

**SPATIALLY ORIENTED CRIME PREVENTION:
PATTERNS IN THE DEVELOPMENT OF THE BRITISH
MODEL AND PROSPECTS FOR ITS APPLICATION IN THE
REPUBLIC OF UZBEKISTAN**

Nigmatov Ruftullo Olimjonovich

Deputy Head of the Criminological Research Institute of the
Republic of Uzbekistan, PhD, Professor

ORCID: 0009-0004-2286-7083 e-mail: nruftullo@inbox.ru

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22094005>

ARTICLE INFO

Received: 18th August 2026

Accepted: 24th August 2026

Online: 25th August 2026

KEYWORDS

Crime prevention;
criminological policy; Crime
Prevention Through
Environmental Design
(CPTED); British model;
territorial crime risk.

ABSTRACT

The article examines the development of spatially oriented crime prevention as a distinct area of criminological policy. Particular attention is paid to the experience of the United Kingdom, where approaches to crime prevention through the design and management of the urban environment have undergone legal, organizational, and practical development. The study aims to identify the key patterns underlying the formation of the British model and to determine the possibilities for applying its core principles within the crime prevention system of the Republic of Uzbekistan. Based on an analysis of legislation, scholarly literature, and crime prevention practices, five interrelated patterns are identified: the incorporation of spatial prevention into state crime prevention policy; the establishment of preventive functions in legislation and practice; cooperation among crime prevention actors; professional support for spatial crime prevention; and the participation of the public and local self-government bodies. The findings demonstrate that the effectiveness of spatial crime prevention depends not only on architectural and technical solutions but also on the organization and coordination of crime prevention actors. Taking into account the specific features of the national system, the article proposes a five-level model for applying these principles in the Republic of Uzbekistan, integrating them into existing mechanisms for the early prevention of offences, territorial assessment of crime conditions, and the activities of mahallas. The study substantiates the need to pilot the proposed model in selected areas before its broader implementation.

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ПРЕСТУПНОСТИ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ БРИТАНСКОЙ
МОДЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ
УЗБЕКИСТАН**

Нигматов Руфтулло Олимджонович

заместитель начальника Исследовательского института криминологии

Республики Узбекистан, PhD, профессор

ORCID: 0009-0004-2286-7083, e-mail: nruftullo@inbox.ru

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22094005>

ARTICLE INFO

Received: 18th August 2026

Accepted: 24th August 2026

Online: 25th August 2026

KEYWORDS

Предупреждение
преступности;
криминологическая
политика;
предупреждение
преступности
посредством
проектирования
окружающей среды;
британская модель;
территориальный
криминогенный риск.

ABSTRACT

В статье исследуется становление пространственно-ориентированного предупреждения преступности как самостоятельного направления криминологической политики. Основное внимание уделено опыту Великобритании, где идеи предупреждения преступности средствами организации городской среды получили правовое, организационное и практическое развитие. Цель исследования состоит в выявлении закономерностей формирования британской модели и определении возможностей использования её основных принципов в системе предупреждения преступности Республики Узбекистан. На основе анализа законодательства, научной литературы и практики предупреждения преступности выделены пять взаимосвязанных закономерностей: включение пространственной профилактики в государственную политику предупреждения преступности; закрепление профилактических функций в законодательстве и практике; взаимодействие субъектов предупреждения преступности; профессиональное обеспечение пространственной профилактики; участие населения и органов местного самоуправления. Показано, что результативность пространственной профилактики правонарушений зависит не только от архитектурных и технических решений, но и от организации деятельности субъектов предупреждения преступности. С учётом особенностей национальной системы предложена пятиуровневая модель применения

соответствующих принципов в Республике Узбекистан, предусматривающая их включение в действующие механизмы раннего предупреждения правонарушений, территориальной оценки криминогенной обстановки и деятельности махалли. Обоснована необходимость предварительной апробации предложенной модели на отдельных территориях.

INTRODUCTION (ВВЕДЕНИЕ)

Предупреждение преступности традиционно связывается с воздействием на причины и условия совершения преступлений, личность правонарушителя, группы риска и конкретные криминогенные ситуации. Вместе с тем преступление всегда совершается в определённом месте, а особенности территории могут как затруднять, так и облегчать его совершение. Планировка улиц и жилых массивов, освещение, обзорность пространства, состояние общественных мест, транспортная доступность, наличие заброшенных участков и характер использования территории непосредственно влияют на возможности совершения отдельных видов преступлений.

Осознание этой зависимости привело к развитию самостоятельного направления предупреждения преступности, основанного на изменении характеристик окружающей среды. Его теоретические основы связаны прежде всего с концепцией предупреждения преступности посредством проектирования окружающей среды (Crime Prevention Through Environmental Design – CPTED), теорией защищаемого пространства О. Ньюмана,

ситуационным предупреждением преступности и исследованиями пространственных закономерностей преступности [1, 3, 10, 17]. В дальнейшем эти положения получили развитие в работах о территориальной концентрации преступности, криминальных «горячих точках», маршрутах перемещения правонарушителей и территориальных факторах риска [4-9, 11, 14, 15].

Однако наличие научно обоснованного профилактического метода ещё не означает его систематического применения. Одни и те же подходы к освещению территории, организации общественного пространства, контролю доступа или проектированию жилой среды могут давать различные результаты в зависимости от того, закреплены ли соответствующие требования в законодательстве, определены ли ответственные субъекты, существует ли взаимодействие органов внутренних дел с местными органами власти и градостроительными структурами, подготовлены ли специалисты и учитывается ли мнение населения.

Именно эта сторона пространственной профилактики

правонарушений изучена значительно меньше. Большинство исследований посвящено эффективности отдельных мер [16, 21-23], тогда как вопрос о том, каким образом такие меры превращаются из отдельных проектов в постоянно действующее направление предупреждения преступности, остаётся недостаточно разработанным.

Особый интерес в этом отношении представляет опыт Великобритании. Здесь идеи предупреждения преступности посредством организации окружающей среды постепенно вышли за пределы отдельных полицейских и градостроительных инициатив и получили развитие в законодательстве, деятельности местных органов власти, практике территориального планирования, профессиональном консультировании и программе Secured by Design («Безопасность через проектирование»).

Для Республики Узбекистан изучение данного опыта представляет интерес не с позиции прямого переноса британских институтов. В стране уже действует собственная система профилактики правонарушений, в которой участвуют различные субъекты, в том числе, органы самоуправления граждан и непосредственно граждане; применяется территориальная оценка криминогенной обстановки и развивается система ранней профилактики правонарушений [26-29]. Поэтому научный интерес представляет другой вопрос: какие

элементы британского опыта имеют общее криминологическое значение и каким образом они могут быть использованы с учётом действующей системы предупреждения преступности Республики Узбекистан?

Цель исследования состоит в выявлении основных закономерностей становления пространственно-ориентированного предупреждения преступности в Великобритании и определении возможностей применения соответствующих принципов в Республике Узбекистан. Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть криминологическое содержание пространственно-ориентированного предупреждения преступности; проследить основные направления формирования британской модели; определить правовые, организационные и профессиональные условия её функционирования; оценить данные об эффективности отдельных пространственных мер; установить пределы использования британского опыта; предложить подход к его применению в действующей системе предупреждения преступности Республики Узбекистан.

MATERIALS AND METHODS (МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Исследование основано на сравнительно-криминологическом анализе опыта Республики Узбекистан и Великобритании в сфере предупреждения преступности. Выбор Великобритании обусловлен

тем, что здесь пространственная профилактика получила последовательное развитие не только в научных концепциях, но и в законодательстве, деятельности полиции, местных органов власти, территориальном планировании и специальных программах обеспечения безопасности городской среды.

В работе использованы сравнительно-криминологический, системный, формально-юридический и функциональный методы. Сравнительно-криминологический метод применялся для выявления общих и национально обусловленных элементов британской модели; системный – для рассмотрения пространственной профилактики во взаимосвязи правовых, организационных, управленческих и других мер; формально-юридический – при изучении законодательства Республики Узбекистан и Великобритании. Функциональный метод использован при определении тех элементов зарубежного опыта, которые могут применяться в Республике Узбекистан с учётом особенностей национальной системы профилактики правонарушений.

Материалами исследования послужили труды по пространственной криминологии, ситуационному предупреждению преступности, CPTED, теории защищаемого пространства и криминологии места; законодательство Республики Узбекистан и Великобритании; официальные материалы органов государственной власти и

правоохранительных структур; результаты современных эмпирических исследований и обзоров эффективности отдельных мер пространственной профилактики.

При изучении британского опыта основное внимание уделялось не внешнему сходству организационных форм, а выполняемым ими профилактическим функциям. Под функциональной адаптацией в настоящем исследовании понимается не перенос зарубежного института, а определение выполняемой им профилактической задачи и поиск соответствующего способа её решения в национальной системе предупреждения преступности. Такой подход позволяет отделить элементы зарубежной практики, имеющие общее криминологическое значение, от решений, обусловленных особенностями британской системы.

RESULTS AND DISCUSSION (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ)

В криминологии причины и условия преступного поведения традиционно рассматриваются во взаимосвязи с социальной средой, личностью правонарушителя и конкретной жизненной ситуацией. Вместе с тем существенное значение имеет и место совершения преступления. Территория не является нейтральным пространством: особенности её планировки, использования и контроля могут создавать дополнительные возможности для

совершения преступлений либо, напротив, затруднять их.

На этой основе сформировалось направление предупреждения преступности, связанное с целенаправленным изменением окружающей среды. Его содержание составляют архитектурные, градостроительные, организационные и иные решения, направленные на сокращение возможностей совершения преступлений и повышение безопасности конкретных территорий [1, 2, 16].

В научной литературе развитие данного направления связано прежде всего с концепцией CPTED, теориями защищаемого пространства, ситуационным предупреждением преступности и исследованиями пространственной концентрации преступности. Эти подходы различаются по своему содержанию, однако объединены общей для настоящего исследования идеей: характеристики места способны влиять на возникновение криминогенной ситуации и поэтому могут выступать самостоятельным объектом профилактического воздействия [1, 3, 5, 6, 10, 17].

Дальнейшие исследования показали, что преступность распределяется в пространстве неравномерно. Значительная часть преступлений концентрируется на сравнительно ограниченном числе улиц, участков и объектов [5, 6, 14, 15]. Это придало пространственному анализу прикладное значение: профилактические меры могут определяться не только видом

преступности или характеристиками лиц, склонных к её совершению, но и особенностями конкретной территории.

Место совершения преступления не заменяет в криминологическом анализе личность преступника, причины и условия преступности или конкретную криминогенную ситуацию. Оно дополняет этот анализ ещё одним значимым элементом – характеристиками территории, которые могут облегчать либо затруднять совершение преступления.

Однако между научным обоснованием профилактической меры и её постоянным применением существует существенная разница. Установка освещения, изменение планировки двора, ограничение доступа на определённую территорию или усиление наблюдения могут дать положительный результат в рамках отдельного проекта. Это ещё не означает, что соответствующий подход стал частью системы предупреждения преступности.

Для этого необходимы правовые и организационные условия: должны быть определены субъекты, их полномочия и ответственность; обеспечено взаимодействие органов внутренних дел с органами местного самоуправления и структурами, отвечающими за планирование и благоустройство территории; подготовлены специалисты; установлены процедуры оценки криминогенных особенностей местности и результатов принимаемых мер.

Именно переход от отдельных мероприятий к их систематическому применению рассматривается в настоящей статье как институционализация пространственно-ориентированного предупреждения преступности. В таком понимании институционализация означает включение пространственной профилактики в действующую систему предупреждения преступности посредством её правового закрепления, организационного обеспечения, распределения функций между субъектами и использования соответствующих знаний в практической деятельности.

Такой подход позволяет поставить вопрос шире обычной оценки эффективности отдельных архитектурных или технических решений. Для криминологии важно установить не только, какая мера способна снизить преступность, но и при каких условиях она становится частью повседневной профилактической деятельности и продолжает применяться независимо от реализации отдельного проекта.

Опыт Великобритании позволяет проследить данный процесс на протяжении длительного периода. Его анализ показывает, что развитие пространственной профилактики происходило не за счёт одного решения или программы. Оно было связано с изменениями государственной политики, законодательства, организации взаимодействия субъектов профилактики, профессиональной

подготовки специалистов и участия местного населения.

В настоящем исследовании такие регулярно проявляющиеся связи обозначаются как закономерности институционализации пространственно-ориентированного предупреждения преступности. Под ними понимаются основные условия, сочетание которых способствует превращению отдельных пространственных мер в постоянно действующее направление предупреждения преступности.

Анализ британского опыта показывает, что пространственная профилактика складывалась постепенно. Её развитие было связано не только с распространением идей CPTED или появлением отдельных программ безопасности. Существенное значение имели изменения государственной политики, законодательства, организации деятельности полиции и местных органов власти, профессиональной подготовки специалистов и форм участия населения. Изучение этих процессов позволяет выделить пять взаимосвязанных закономерностей.

Первая закономерность – включение пространственной профилактики в государственную политику предупреждения преступности.

Первоначально использование архитектурных и градостроительных решений для предупреждения преступлений носило преимущественно локальный характер. Отдельные меры

применялись полицией, местными органами власти, жилищными организациями и застройщиками, однако ещё не составляли самостоятельного направления профилактической деятельности.

Положение стало меняться по мере того, как предупреждение преступности всё чаще связывалось не только с деятельностью полиции и уголовной юстиции, но и с состоянием территории, организацией общественного пространства, жилищной средой и участием местных органов власти. Тем самым расширялось само представление о субъектах и средствах предупреждения преступности.

Важным этапом стало развитие программы Secured by Design («Безопасность через проектирование»), начатой британской полицией в 1989 г. [24]. Её значение состояло в том, что требования безопасности стали учитываться ещё на стадии проектирования жилых и иных объектов. Предупреждение преступлений в данном случае осуществляется заранее – посредством решений, которые затрудняют совершение преступления и повышают защищённость территории.

Британский опыт показывает, что систематическое применение пространственной профилактики становится возможным тогда, когда безопасность территории рассматривается не как частная задача отдельного ведомства или конкретного проекта, а как одно из направлений государственной и

местной политики предупреждения преступности.

Вторая закономерность – закрепление профилактических функций в законодательстве и практике.

Одного признания значимости пространственной профилактики недостаточно. Для её постоянного применения необходима правовая основа, определяющая обязанности субъектов и порядок их взаимодействия.

Особое значение в Великобритании имел закон «О преступности и беспорядках» от 1998 года (Crime and Disorder Act 1998) [18]. В частности, секция 17 данного закона закрепил обязанность соответствующих публичных органов при осуществлении своих функций учитывать их возможное влияние на преступность и общественный порядок и принимать разумно возможные меры по их предупреждению, тогда как секция 5 – закрепил основы партнёрского взаимодействия ответственных органов на местном уровне.

Для пространственной профилактики это имело важное значение. Вопросы безопасности получили возможность учитываться не только непосредственно в работе полиции, но и при осуществлении иных публичных функций, связанных с территорией и жизнедеятельностью местных сообществ.

Следовательно, вторая закономерность состоит в том, что пространственная профилактика получает реальное развитие тогда, когда соответствующие функции

закрепляются в праве и становятся частью обычной деятельности органов и организаций, принимающих решения о развитии территории.

Третья закономерность – взаимодействие субъектов предупреждения преступности.

Преступность на конкретной территории редко может быть предупреждена усилиями одного субъекта. Полиция располагает сведениями о местах и способах совершения преступлений, местные органы власти отвечают за значительную часть вопросов территориального развития, градостроительные структуры определяют планировочные решения, жилищные организации и собственники управляют объектами, а жители непосредственно сталкиваются с проблемами безопасности своей территории.

Поэтому характерной особенностью британской модели стало развитие совместной работы различных субъектов. Вопросы предупреждения преступности постепенно вышли за пределы исключительно полицейской компетенции и стали рассматриваться во взаимосвязи с градостроительством, жилищной политикой, благоустройством и местным управлением [18, 24, 25].

Такое взаимодействие особенно важно на ранних стадиях принятия решений. Если специалист по предупреждению преступности подключается только после завершения строительства объекта, возможности изменить его

планировку, доступность, обзорность или организацию прилегающей территории существенно ограничены. Участие специалистов на стадии проектирования позволяет учитывать криминогенные особенности территории заранее.

Отсюда следует третья закономерность: пространственная профилактика наиболее последовательно реализуется там, где существует постоянное взаимодействие полиции, местных органов власти, градостроительных и жилищных структур, собственников объектов и других участников, способных влиять на состояние территории.

Четвёртая закономерность – профессиональное обеспечение пространственной профилактики.

Применение пространственных мер требует специальных знаний. Само по себе увеличение числа камер видеонаблюдения, установка ограждений или усиление освещения ещё не означает грамотного предупреждения преступности. В одном месте подобная мера способна устранить криминогенный фактор, в другом – не дать результата или создать новые проблемы.

Поэтому важным направлением развития британской модели стала подготовка специалистов, способных оценивать территорию с позиции предупреждения преступности и участвовать в разработке проектных решений. В британской практике такие функции выполняют, в частности, специалисты полиции по предупреждению преступности

средствами проектирования (Designing Out Crime Officers) [24, 25].

Их задача состоит не в архитектурном проектировании как таковом, а в оценке проектных решений с позиции предупреждения преступности: выявлении условий, которые могут облегчить совершение преступлений, и подготовке рекомендаций по их устранению.

Таким образом, четвёртая закономерность выражается в том, что пространственная профилактика требует не только организационного взаимодействия, но и специальных криминологических знаний, позволяющих обоснованно выбирать меры применительно к конкретной территории.

Пятая закономерность – участие населения и местных сообществ.

Безопасность территории определяется не только её физическими характеристиками. Существенное значение имеют отношения между жителями, их готовность реагировать на происходящее, сообщать о проблемах, участвовать в поддержании порядка и совместно использовать общественное пространство.

Эта сторона пространственной профилактики получила развитие в исследованиях коллективной эффективности. Р. Сэмпсон, С. Рауденбуш и Ф. Эрлс показали значение социальной сплочённости и готовности жителей к неформальному социальному контролю для состояния преступности на территории [12, 13].

Для британской практики это означает, что пространственные решения не могут оцениваться в отрыве от людей, которые пользуются соответствующей территорией. Даже правильно спроектированное пространство может утрачивать профилактическое значение, если общественные места заброшены, жители не воспринимают их как свои, отсутствует надлежащее содержание территории или возникают условия для её криминального использования.

Пятая закономерность состоит в том, что пространственная профилактика получает более прочную основу там, где население и местные сообщества не являются только объектом принимаемых мер, а участвуют в выявлении проблем безопасности и оценке результатов их решения.

Выделенные закономерности не следует рассматривать изолированно или как обязательные стадии, которые во всех государствах должны следовать одна за другой. Британский опыт показывает их взаимосвязь. Включение пространственной профилактики в государственную политику создаёт условия для её правового закрепления; правовые нормы определяют полномочия и обязанности субъектов; их реализация требует взаимодействия различных органов и организаций; такое взаимодействие нуждается в профессиональном обеспечении; участие населения позволяет учитывать особенности конкретной территории и оценивать, насколько принимаемые решения

соответствуют реальным проблемам безопасности.

Именно сочетание этих элементов отличает системную пространственную профилактику от отдельных мероприятий по благоустройству, освещению, видеонаблюдению или физической защите объектов. Вместе с тем наличие развитой системы само по себе не означает, что любое пространственное решение обязательно приведёт к снижению преступности. Поэтому следующий этап исследования требует обращения к эмпирическим данным об эффективности отдельных мер.

Выявленные выше закономерности характеризуют условия, при которых пространственная профилактика становится частью системы предупреждения преступности. Однако для оценки британского опыта важно установить и другое: подтверждается ли профилактический эффект конкретных мер результатами эмпирических исследований.

Наиболее изученным британским примером является программа Secured by Design («Безопасность через проектирование»), предусматривающая учёт требований безопасности при проектировании жилых зданий и прилегающих территорий [24]. Её профилактическая направленность связана прежде всего с ограничением возможностей незаконного проникновения, повышением защищённости жилища, контролем

доступа и учётом особенностей окружающего пространства.

В 2024 г. Р. Армитидж, А. Сайдботтом и Л. Томпсон провели исследование, посвящённое влиянию Secured by Design на кражи с проникновением в жилище (burglary – в терминологии британских исследований) [21]. В работе были включены девять британских исследований. Полученные результаты показали, что на объектах, соответствующих требованиям программы, уровень таких преступлений был в среднем на 53 % ниже, чем на сопоставимых объектах, не имевших такого статуса.

Отдельный анализ нового жилищного строительства, основанный на шести исследованиях, показал снижение краж с проникновением в жилище на 65 %. В трёх исследованиях, где учитывались также покушения на такие преступления, снижение составило 77 % [21, 24]. Эти данные позволяют говорить о выраженном профилактическом эффекте программы применительно к изученному виду преступности.

Другим направлением британской практики стало контролируемое ограничение доступа в переулки и проходы, которые могли использоваться для подхода к жилым домам и скрытого проникновения на их территорию (alley gating). Анализ этих исследований показал снижение преступности после применения таких мер [22]. Профилактический эффект связывается с сокращением удобных путей подхода и отхода,

повышением контролируемости территории и уменьшением анонимности потенциального правонарушителя.

При оценке подобных мер важное значение имеет вопрос о смещении преступности (crime displacement) – переносе преступной активности на соседние улицы, другие объекты, время или способы совершения преступления [19, 20]. Если преступление лишь перемещается за пределы защищённой территории, общий профилактический результат оказывается ниже наблюдаемого. Вместе с тем исследования показывают, что смещение не является неизбежным следствием территориальной профилактики; в отдельных случаях профилактический эффект распространяется и за пределы непосредственно защищаемой территории [22].

Существенная доказательная база накоплена и применительно к улучшению уличного освещения. Проведенные исследования показывают, что правильно организованное освещение способно способствовать снижению преступности [23]. Его значение нельзя сводить только к увеличению видимости потенциального правонарушителя. Освещённость может повышать интенсивность законного использования общественного пространства, облегчать наблюдение и усиливать контроль над территорией.

Рассмотренные данные позволяют сделать два вывода. Во-

первых, отдельные меры пространственной профилактики действительно способны снижать вероятность совершения преступлений, особенно когда они направлены на конкретные особенности территории и определённый вид преступности. Во-вторых, положительный результат нельзя автоматически связывать с любым архитектурным или техническим изменением. Эффект зависит от характера криминогенной проблемы, качества реализации меры, особенностей территории и сочетания пространственных решений с организационной профилактической работой.

Вместе с этим, положительные результаты отдельных исследований не дают оснований считать пространственную профилактику универсальным средством предупреждения преступности. Британский опыт показывает как возможности данного направления, так и его ограничения.

Прежде всего необходимо учитывать неоднородность доказательной базы. Исследования пространственной профилактики проводились в разные периоды, на различных территориях и с использованием неодинаковых методик [16, 21-23]. Поэтому выявленные показатели снижения преступности характеризуют результаты изученных объектов и не должны механически переноситься на любую территорию или иной вид преступности.

Кроме того, установить самостоятельное влияние

пространственного решения бывает сложно. Изменение уровня преступности может происходить одновременно под воздействием деятельности полиции, социально-экономических процессов, изменения состава населения, состояния жилищного фонда, транспортной доступности и других обстоятельств. В связи с этим наблюдаемое снижение преступности не всегда может быть полностью объяснено только архитектурным или техническим вмешательством [16].

Отдельного внимания заслуживает вопрос смещения преступности. Усиление защищённости одного объекта способно изменить выбор потенциального правонарушителя и направить его к менее защищённой цели. Однако исследования не подтверждают представление о смещении как обязательном последствии пространственной профилактики [19, 20, 22]. В каждом случае необходимо изучать изменения не только непосредственно на территории воздействия, но и на соседних участках.

Существуют и социальные ограничения. Чрезмерное использование ограждений, ворот, средств контроля доступа и иных способов физического ограничения пространства способно повышать защищённость объекта, но одновременно ухудшать открытость городской среды, затруднять обычное использование общественных мест и усиливать ощущение изолированности.

Поэтому повышение физической защищённости объекта (target hardening) не следует отождествлять со всей пространственной профилактикой. Последняя предполагает более широкий подход, включающий организацию территории, естественное наблюдение, рациональное использование общественного пространства, содержание объектов и учёт поведения людей [2, 16].

Не всякая мера, эффективная в Великобритании, может быть непосредственно использована в другой стране. На её результат влияют законодательство, система местного управления, полномочия органов внутренних дел, особенности градостроительного регулирования, жилищные отношения, социальная структура территории и сложившиеся формы участия населения.

Это обстоятельство имеет особое значение для настоящего исследования. Ценность британского опыта для Республики Узбекистан заключается не в копировании программы Secured by Design, должностей британских специалистов или отдельных градостроительных стандартов. Научный интерес представляют прежде всего принципы организации профилактической деятельности, которые обеспечивают учёт криминогенных особенностей территории при принятии управленческих и практических решений.

Следовательно, вопрос должен ставиться не о том, какие британские институты следует перенести в

Республику Узбекистан, а о том, какие профилактические задачи они решают и какими средствами аналогичные задачи могут решаться в национальной системе предупреждения преступности.

Система предупреждения преступности в Республике Узбекистан в последние годы претерпела существенные изменения. Усилена профилактическая направленность деятельности органов внутренних дел, расширено взаимодействие государственных органов с институтами махалли, введены механизмы территориальной оценки криминогенной обстановки и раннего выявления факторов, способствующих совершению правонарушений [26-29].

Эти изменения создают необходимые предпосылки для более широкого использования пространственного подхода. Речь при этом не идёт о создании новой, параллельной системы профилактики. Значительная часть необходимых организационных механизмов уже действует. Основная задача состоит в том, чтобы при оценке криминогенной обстановки наряду с социальными, семейно-бытовыми, индивидуальными и иными факторами последовательно учитывать особенности территории, способные создавать условия для совершения преступлений.

К таким особенностям могут относиться недостаточная освещённость, ограниченная обзорность, бесконтрольные проходы, заброшенные или редко

используемые участки, места постоянного скопления людей, особенности расположения торговых и развлекательных объектов, транспортных узлов, дворовых пространств и другие характеристики конкретной местности.

Действующая в Республике Узбекистан практика отнесения территорий к категориям с различным уровнем криминогенной обстановки имеет важное профилактическое значение [28, 29]. Она позволяет дифференцировать меры с учётом состояния правопорядка на конкретной территории.

Вместе с тем сама категория территории ещё не объясняет, почему именно здесь совершаются преступления и какие особенности места способствуют их совершению. Поэтому следующим направлением развития территориального анализа может стать более детальное изучение пространственного распределения преступлений внутри махалли, района или города.

Такой анализ предполагает выявление конкретных улиц, дворов, объектов и участков, где преступления совершаются чаще, а затем изучение причин подобной концентрации. В одном случае значение может иметь недостаточная освещённость, в другом – отсутствие контроля доступа, в третьем – особенности работы конкретного объекта либо организации прилегающего пространства.

Тем самым территориальная оценка должна отвечать не только на вопрос «где уровень преступности

выше?», но и на вопрос «что именно на данной территории способствует совершению преступлений?». Именно в этом состоит основное криминологическое значение пространственного подхода.

Особое место в национальной системе профилактики занимает институт махалли [27]. Её значение для пространственного предупреждения преступности определяется прежде всего близостью к конкретной территории и населению.

Представители махалли и инспекторы профилактики правонарушений располагают информацией, которая не всегда может быть получена из уголовной статистики. Они непосредственно наблюдают изменения на территории, знают проблемные места, особенности использования общественных пространств, жалобы жителей, состояние отдельных объектов и возникающие локальные угрозы.

Например, повторяющиеся обращения жителей по поводу плохо освещённого участка, бесконтрольного прохода между жилыми домами, заброшенного здания или места систематического нарушения общественного порядка могут рассматриваться не как разрозненные бытовые проблемы, а как сведения о конкретном криминогенном участке, требующем профилактического изучения.

При этом участие населения не следует сводить только к информированию органов внутренних дел. Жители способны

участвовать в определении проблем безопасности своей территории, обсуждении возможных решений и последующей оценке их результатов. Такой подход соответствует сложившейся роли махалли и не требует переноса зарубежных форм общественного участия.

Пространственные факторы преступности нередко находятся за пределами непосредственных полномочий органов внутренних дел. Инспектор профилактики правонарушений может выявить криминогенный участок, однако устранение конкретной проблемы может зависеть от органов местной власти, коммунальных служб, организаций, отвечающих за освещение, дороги, благоустройство, строительство или эксплуатацию объекта.

Поэтому важным условием применения пространственного подхода является установление понятного порядка взаимодействия: кто выявляет проблему, кто оценивает её криминогенное значение, кто принимает решение и кто отвечает за устранение соответствующего фактора.

Британский опыт в данном случае интересен не конкретной организационной формой, а самим принципом раннего взаимодействия полиции с теми субъектами, решения которых способны влиять на безопасность территории. Для Республики Узбекистан данный принцип может реализовываться в рамках уже существующих межведомственных механизмов профилактики правонарушений без

создания самостоятельной системы органов пространственной профилактики.

Отдельного внимания заслуживает возможность более последовательного учёта профилактических требований при проектировании и благоустройстве территорий. На практике устранение криминогенного фактора после завершения строительства зачастую требует дополнительных расходов и организационных решений. Поэтому в случаях, когда особенности будущего объекта могут иметь значение для общественной безопасности, целесообразно учитывать профилактические требования ещё на стадии его проектирования или реконструкции.

Это не означает необходимости механического переноса британской программы Secured by Design. Для национальной практики важен сам принцип: при принятии решений о развитии территории необходимо заранее оценивать, не создаёт ли выбранное проектное решение дополнительных возможностей для совершения преступлений.

Такой подход может применяться прежде всего к жилым массивам, общественным пространствам, парковкам, торговым и развлекательным объектам, транспортным узлам и другим территориям с повышенной интенсивностью использования.

Применение пространственного подхода требует соответствующих знаний от сотрудников, участвующих в предупреждении преступности. Необходимо способность

анализировать не только статистические показатели территории, но и связь конкретного места со способом совершения преступления.

На первоначальном этапе нет необходимости создавать новую самостоятельную профессию по британскому образцу. Более целесообразным представляется включение основ анализа места преступления, предупреждения преступности посредством проектирования окружающей среды и оценки территориальных факторов риска в подготовку и повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел и других специалистов, непосредственно участвующих в профилактической деятельности.

Особое значение такие знания могут иметь для инспекторов профилактики правонарушений, подразделений и сотрудников, участвующих в подготовке территориальных профилактических мероприятий.

С учётом проведённого анализа предлагается авторская модель применения принципов пространственно-ориентированного предупреждения преступности в Республике Узбекистан. Она включает пять взаимосвязанных уровней.

Первый – государственный уровень. Пространственный подход учитывается при определении основных направлений криминологической политики и совершенствовании системы предупреждения преступности.

Второй – правовой и организационный уровень. Определяются задачи субъектов профилактики правонарушений, порядок их взаимодействия и формы учёта требований безопасности при принятии решений, затрагивающих состояние территории.

Третий – территориально-аналитический уровень. Проводится анализ распределения преступлений, выявляются проблемные участки и изучаются конкретные особенности территории, способствующие совершению преступлений.

Четвёртый – уровень махалли. Инспекторы профилактики правонарушений, представители махалли и население участвуют в выявлении проблемных мест, определении местных факторов риска и оценке состояния безопасности территории.

Пятый – оценочный уровень. После реализации профилактической меры анализируется изменение криминогенной обстановки: произошло ли снижение преступности, сохранилась ли проблема, не переместилась ли она на соседнюю территорию и требуется ли корректировка принятых решений.

Предлагаемая модель не предусматривает копирования британских институтов. Она исходит из действующей системы профилактики правонарушений Республики Узбекистан и предполагает её дополнение пространственным анализом преступности.

Практическая проверка модели целесообразна первоначально на

ограниченном числе территорий. Для этого могут быть выбраны махалли с различной криминогенной обстановкой, где наряду с традиционным анализом причин и условий преступности проводится изучение её пространственной концентрации и особенностей конкретных мест.

Такой подход позволит определить, какие пространственные факторы имеют наибольшее значение в национальных условиях, какие меры дают профилактический результат и какие изменения необходимы в организации взаимодействия субъектов профилактики правонарушений. Только после получения и оценки таких результатов можно ставить вопрос о более широком использовании пространственного подхода в системе предупреждения преступности Республики Узбекистан.

CONCLUSION (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Проведённое исследование показывает, что пространственно-ориентированное предупреждение преступности нельзя сводить к благоустройству территории, установке технических средств защиты или отдельным архитектурным решениям. Его криминологическое содержание значительно шире и состоит в целенаправленном воздействии на особенности конкретного места, которые могут создавать возможности для совершения преступлений.

Опыт Великобритании представляет интерес прежде всего потому, что пространственная

профилактика получила здесь развитие как одно из направлений предупреждения преступности. Анализ этого опыта позволил выделить пять взаимосвязанных закономерностей: включение пространственной профилактики в государственную политику; закрепление профилактических функций в законодательстве и практике; взаимодействие полиции, местных органов власти и других субъектов; профессиональное обеспечение данной деятельности; участие населения и местных сообществ.

Выделенные закономерности показывают, что результат пространственной профилактики зависит не только от содержания конкретной меры. Освещение, контроль доступа, изменение планировки или повышение защищённости объекта приобретают профилактическое значение тогда, когда их применение основано на анализе криминогенной обстановки, входит в компетенцию соответствующих субъектов и сопровождается оценкой достигнутого результата.

Рассмотренные эмпирические исследования подтверждают эффективность ряда пространственных мер. Наиболее убедительные данные получены применительно к программе Secured by Design («Безопасность через проектирование»), улучшению уличного освещения и отдельным способам ограничения неконтролируемого доступа к жилым территориям. Вместе с тем эти

результаты не дают оснований считать пространственную профилактику универсальным средством снижения преступности. Эффект конкретной меры зависит от вида преступности, особенностей территории, качества её реализации и других факторов. Необходимо учитывать также возможность смещения преступности на соседние участки.

Для Республики Узбекистан значение британского опыта состоит не в переносе конкретных программ, должностей или организационных форм. Более перспективным представляется использование тех принципов, которые могут дополнить действующую национальную систему предупреждения преступности.

В Узбекистане для этого уже имеются необходимые предпосылки: территориальная организация профилактической деятельности, институт инспекторов профилактики правонарушений, институт махалли, оценка криминогенной обстановки и механизмы раннего предупреждения правонарушений. Дальнейшее развитие данного направления может быть связано с более глубоким изучением того, где именно концентрируются преступления и какие особенности конкретной территории способствуют их совершению.

На этой основе предложена пятиуровневая модель применения пространственного подхода, включающая государственный, правовой и организационный, территориально-аналитический уровни, уровень махалли и оценку

результатов принимаемых мер. Её особенность состоит в том, что пространственная профилактика правонарушений не создаётся как отдельная система, а включается в уже действующие механизмы предупреждения преступности.

Предлагаемая модель имеет теоретический характер и требует практической проверки. Первоначально её целесообразно апробировать на отдельных территориях с различной криминогенной обстановкой. Такая апробация позволит определить наиболее значимые для национальных условий пространственные факторы преступности, оценить

эффективность применяемых мер и установить, какие организационные и правовые изменения действительно необходимы.

Таким образом, дальнейшее развитие пространственно-ориентированного предупреждения преступности в Республике Узбекистан следует связывать не с заимствованием зарубежной модели как готовой конструкции, а с расширением возможностей собственной системы профилактики правонарушений за счёт более последовательного учёта места совершения преступления и криминогенных особенностей территории.

References:

1. Jeffery C. R. *Crime Prevention Through Environmental Design*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1971.
2. Cozens P. M., Saville G., Hillier D. Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED): a review and modern bibliography // *Property Management*. 2005. Vol. 23. No. 5. P. 328–356. DOI: 10.1108/02637470510631483.
3. Brantingham P. J., Brantingham P. L. (eds.). *Environmental Criminology*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1981.
4. Brantingham P. L., Brantingham P. J. The criminality of place: crime generators and crime attractors // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 1995. Vol. 3. No. 3. P. 5-26.
5. Weisburd D. The law of crime concentration and the criminology of place // *Criminology*. 2015. Vol. 53. No. 2. P. 133–157. DOI: 10.1111/1745-9125.12070.
6. Weisburd D., Groff E. R., Yang S.-M. *The Criminology of Place: Street Segments and Our Understanding of the Crime Problem*. New York: Oxford University Press, 2012.
7. Braga A. A., Turchan B., Papachristos A. V., Hureau D. M. Hot spots policing and crime reduction: an update of an ongoing systematic review and meta-analysis // *Journal of Experimental Criminology*. 2019. Vol. 15. P. 289-311.
8. Caplan J. M., Kennedy L. W., Miller J. Risk Terrain Modeling: brokering criminological theory and GIS methods for crime forecasting // *Justice Quarterly*. 2011. Vol. 28. No. 2. P. 360-381. DOI: 10.1080/07418825.2010.486037.

9. Kennedy L. W., Caplan J. M., Piza E. Risk clusters, hotspots, and spatial intelligence: risk terrain modeling as an algorithm for police resource allocation strategies // *Journal of Quantitative Criminology*. 2011. Vol. 27. No. 3. P. 339-362.
10. Cornish D. B., Clarke R. V. (eds.). *The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending*. New York: Springer-Verlag, 1986.
11. Brantingham P. L., Brantingham P. J. Nodes, paths and edges: considerations on the complexity of crime and the physical environment // *Journal of Environmental Psychology*. 1993. Vol. 13. No. 1. P. 3-28. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80212-9.
12. Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. Neighborhoods and violent crime: a multilevel study of collective efficacy // *Science*. 1997. Vol. 277. No. 5328. P. 918-924. DOI: 10.1126/science.277.5328.918.
13. Sampson R. J., Raudenbush S. W. Systematic social observation of public spaces: a new look at disorder in urban neighborhoods // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105. No. 3. P. 603-651.
14. Eck J. E., Weisburd D. L. Crime places in crime theory // Eck J. E., Weisburd D. L. (eds.). *Crime and Place*. Crime Prevention Studies. Vol. 4. Monsey, NY: Criminal Justice Press, 1995. P. 1-33.
15. Sherman L. W., Gartin P. R., Buerger M. E. Hot spots of predatory crime: routine activities and the criminology of place // *Criminology*. 1989. Vol. 27. No. 1. P. 27-56.
16. Cozens P., Love T. A review and current status of Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED) // *Journal of Planning Literature*. 2015. Vol. 30. No. 4. P. 393-412. DOI: 10.1177/0885412215595440.
17. Newman O. *Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design*. New York: Macmillan, 1972.
18. *Crime and Disorder Act 1998*. 1998 c. 37. United Kingdom.
19. Hakim S., Rengert G. F. (eds.). *Crime Spillover*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1981. **151 p.**
20. Reppetto T. A. Crime prevention and the displacement phenomenon // *Crime & Delinquency*. 1976. Vol. 22. No. 2. P. 166-177.
21. Armitage R., Sidebottom A., Tompson L. *Reducing Burglary through Secured by Design: A Meta-Analysis*. 2024.
22. Sidebottom A., Tompson L., Thornton A., Bullock K., Tilley N., Bowers K., Johnson S. D. Gating alleys to reduce crime: a meta-analysis and realist synthesis // *Justice Quarterly*. 2018. Vol. 35. No. 1. P. 55-86. DOI: 10.1080/07418825.2017.1293135.
23. Welsh B. C., Farrington D. P. Effects of improved street lighting on crime // *Campbell Systematic Reviews*. 2008. Vol. 4. P. 1-51. DOI: 10.4073/csr.2008.13.
24. College of Policing. *Security Standards for the Built Environment (Secured by Design)*.
25. House of Commons. Written evidence submitted by Secured by Design. UK Parliament.
26. Закон Республики Узбекистан от 14 мая 2014 года № ЗРУ-371 «О профилактике правонарушений».
27. Указ Президента Республики Узбекистан от 18 февраля 2020 года № УП-5938 «О мерах по оздоровлению социально-духовной атмосферы в обществе,

дальнейшей поддержке института махалли, а также поднятию на новый уровень системы работы с семьями и женщинами».

28. Указ Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 года № УП-27 «О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан».

29. Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 января 2025 года № ПП-1 «О мерах по созданию безопасной среды и дальнейшему повышению эффективности системы раннего предупреждения правонарушений в махаллях республики в 2025 году».